

Х

рестоматийно известный факт — будущий лауреат Нобелевской премии писатель Иван Алексеевич Бунин родился в Воронеже 10 октября 1870 года.

Однако нередко бывает так, что очевидные факты вызывают множество вопросов. Почему, например, семейство дворян Елецкого уезда Орловской губернии Буниных в тот год оказалось в Воронеже, а не у себя в имении, в Ельце, Орле или, например, в Тамбове?

Главная причина везде обозначена одинаково: стремление родителей дать хорошее (вариант: должное¹) образование и воспитание детям. По мнению воронежского писателя Ю.Д. Гончарова, Буниных-старших «Воронеж привлекал тем, что в сравнении с Орлом был городом более крупным и благоустроенным, славился хорошими учебными заведениями»². В.Н. Муромцева-Бунина объясняла решение иначе: «Выбрали они этот город потому, что были еще у них имения в этой губернии, и там жили родственники Бунины, помещики и домовладельцы»³. А орловский краевед В.А. Власов был убежден в том, что Воронеж Бунины выбрали потому, что в этом городе жили их родственники⁴. Некоторые исследователи (например, А.К. Бабореко и О.Н. Михайлов⁵) в своих книгах вопрос о причинах и обстоятельствах переезда семьи Буниных из Елецкого уезда в Воронеж вообще не затрагивают.

Популято отметить довольно спорный момент — в каком именно году Бунины приехали в Воронеж? Сам Иван Алексеевич в «Автобиографической заметке» упоминает «переезд в семидесятом году в Воронеж». А В.Н. Муромцева-Бунина утверждает: «В Воронеже Бунины поселились за три года до рождения Вани»⁶. Этой же датировки придерживался и В.А. Власов⁷. Воронежский историк А.Н. Акиншин на основе анализа документов и публикаций, связанных с учебой в гимназии Юлия и Евгения Буниных, пришел к однозначному выводу: семья Буниных поселилась в Воронеже не в 1867, а в 1870 году, не «за три года», а «за три месяца» до рождения сына Ивана⁸. Тем самым опровергается утверждение, что Юлий год (с 1866) самостоятельно, до приезда родителей, учился в Воронежской гимназии. Тогда приехали все сразу. Однако Акиншин отметил и другую неточность. Ряд биографов указывает на то, что Бунины вернулись в елецкое имение сразу после того, как Юлий сдал выпускные экзамены в гимназии весной 1874 года⁹ (если учитывать срок обучения). На самом деле Юлий жил в Воронеже и далее — гимназию окончил в 1877 году, а семейство уехало в деревню в конце ноября — начале декабря 1873 года¹⁰.

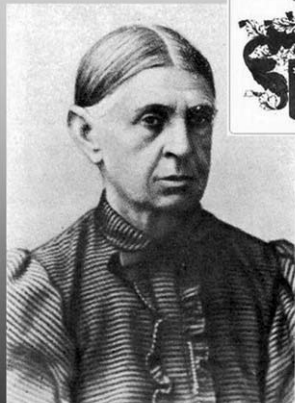
Попытаемся представить, как сам писатель понимал свою родовую принадлежность к воронежскому, орловскому, тамбовскому или иному губернскому дворянству. Вновь обратимся к его «Автобиографической заметке». Он подробно цитирует отрывок из «Гербовника дворянских родов», касающийся его предков и однофамильцев. Есть в этой цитате и такая фраза: «Равным образом и другие многие Бунины служили воеводами и в иных чинах и владели деревнями. Все сие доказывается бумагами Воронежского дворянского депутатского собрания о внесении рода Буниных в родословную книгу в VI часть, в число древнего дворянства». А вот теперь слова самого Ивана Бунина: «Прадед мой по отцу был богат. У деда была земля в Орловской губернии (в Елецком уезде), в Тамбовской и Воронежской, но, кажется, понемногу. Деда братья его обделили. Он был не совсем нормальный, «тронувшийся» человек. Наследство осталось от него не бог весть какое, отец же и того не пощадил».

А вот свидетельство Муромцевой-Буниной: «Отец [А.Н. Бунин] любил повествовать... о своем деде, который был человек богатый, имел поместья в Воронежской и Тамбовской губерниях и только под старость поселился в своей родовой вотчине Орловской губернии, Елецком уезде, в Каменке»¹¹.

Примерно так же фрагментарны были представления Ивана Бунина и о предках по материнской линии: «Род (тоже древнедворянский) Чубаровых мне почти неведом. Знаю только, что Чубаровы — дворяне Костромской, Московской, Орловской и Тамбовской губерний и что были у деда и у отца матери имения в Орловском и Трубчевском уездах [Орловской губернии]» («Автобиографическая заметка»); «Мать тоже иногда вмешивалась в разговор и сообщала детям, что ее предки были помещиками Костромской, Московской, Орловской и Тамбовской губерний и что в их семье жила легенда: некогда Чубаровы были князьями. Петр Великий казнил одного князя Чубарова, стрельца, сторонника царевны Софьи, и лишил весь род княжеского титула»¹².

Понятно, что все эти сведения бытовали в семье скорее в виде легенд, чем точных исторических фактов. Не случайно в повести «Суходол», где отразились впечатления о жизни в дедовской Каменке (Семеновском тож), автор с горечью восклицал: «Ни портретов, ни писем, ни даже простых принадлежностей своего обихода не оставили нам наши отцы и деды». Естественно, Ивану Бунину было сложно создать собирательный образ: в какой местности России его наиболее крепкие родовые корни?

Исследования литературоведов, историков, краеведов в последние десятилетия помогли в значительной мере восстановить родословное древо знаменитого

Людмила Александровна
Бунина

Алексей Николаевич
Бунин

Родители Ивана Бунина

уроженца Воронежа. Помимо книги Ю.Д. Гончарова, это исследования В.А. Власова¹³, А.Н. Акиньшина, В.В. Будакова, И.А. Костомаровой, В.М. Петрова. Так, Власов установил, что прадед Дмитрий Семенович был заседателем Елецкого нижнего земского суда и в 1804 году получил дворянскую грамоту о внесении в I часть Дворянской родословной книги Орловской губернии. Род Чубаровых был внесен, как позднее бунинский, в наиболее почетную VI часть Дворянской родословной книги Орловской губернии¹⁴. Разыскания Гончарова помогли узнать, что земельные владения прадеда Дмитрия Семеновича находились во Мценском и Елецком уездах Орловской губернии, Новосильском уезде Тульской губернии, Задонском и Землянском уездах Воронежской губернии, в Усманском уезде Тамбовской губернии.

Накануне ухода из жизни (Д.С. Бунин умер в 1818-м или 1819 году) он разделил свои владения между детьми. Не имея возможности перечислить все названия, площади участков и количество крепостных душ, укажем только уезды, где располагались поместья наследников: дочери Ольга и Олимпиада — Елецкий уезд, Вера — Задонский уезд, сыновья Алексей — Задонский уезд, Николай — Елецкий и Усманский уезды, Владимир — Землянский и Усманский уезды. Себе Дмитрий Семенович оставил «по смерти своей» имение с крестьянами, находившееся в Верхних и Нижних Прилепах Мценского уезда (ныне в составе Чахинского поселения Мценского района Орловской области, примерно в 15 километрах юго-восточнее Мценска, в 40 километрах от Орла)¹⁵.

Как складывалась жизнь деда писателя — Николая Дмитриевича? По сведениям Гончарова, старший брат Алексей Дмитриевич восемь лет прослужил в Воронеже в Палате гражданского суда. Очевидно, он оказал содействие Николаю определиться в эту же палату на должность канцеляриста. В гражданский суд в Воронеже тот поступил 23 января 1818 года, а через полгода — 20 июля — подал прошение, в котором просил уволить для приискания службы в других присутственных местах и о «добропорядочном его поведении снабдить аттестатом и о свободном проезде и пребывании пашпортом»¹⁶. Всю оставшуюся жизнь дед писателя прожил в елецких владениях и нигде больше не служил.

Сохранилась копия свидетельства: «По указу его императорского величества дано сие свидетельство из Орловской духовной консистории недорослю из дворян

Алексею Николаеву сыну Бунину по прошению его о рождении и крещении его на случай определения на государственную службу в том, что рождение и крещение его, Алексея, в метрической Елецкого уезда села Злобина Воргол за 1827 год книге записью значится так: деревни Каменки у помещика Николай Дмитриева сына Бунина сын Алексей родился того 1827 года марта 11 и крещен того же числа...»¹⁷

Как указывает Иван Бунин в «Автобиографической заметке», «Учился он недолго (в Орловской гимназии), ученья терпеть не мог, но читал все, что попадало под руку, с большой охотой. Ум его, живой и образный, — он и говорил всегда удивительно энергическим и картинным языком, — не переносил логики, характер — порывистый, решительный, открытый и великодушный — преград. Все его существо было столь естественно и наивно пропитано ощущением своего барского происхождения, что я не представляю себе круга, в котором он смугился бы». Под стать недолгой учебе была и служба. Как отмечает Гончаров, «В молодости Алексей Николаевич служил в канцелярии Орловского дворянского депутатского собрания (поступил 30 июня 1843 года), но недолго и без особых успехов, дотянулся только до первой ступени в табели о рангах: до чина коллежского регистратора»¹⁸.

Есть в документах тех лет упоминания и о бабушке Бунина Ольге Васильевне — по состоянию на 1845 год она владела 90 душами крестьян в Елецком и Новосильском уездах¹⁹. Заметим, обитатели Новосильского уезда Тульской губернии (Новосиль расположен всего в 60 километрах от Орла) всегда тяготели к Орлу, так, например, новосильский помещик Мясоедов отдал в 1846 году в Орловскую гимназию двух сыновей, один из которых — Григорий — впоследствии стал известным художником.

В июле 1870 года Орловское дворянское депутатское собрание слушало дело о дворянстве детей А.Н. Бунина — Юлия и Евгения. Елецкий уездный предводитель дворянства представил их метрические свидетельства, выданные Орловской и Тамбовской духовными консисториями за № 5133 и 5044. «Акты сии удостоверяют, — говорится в архивном документе, — что у коллежского регистратора Алексея Николаевича Бунина родились дети: Юлий 1857 июля 7 и Евгений 1858 годов сентября 17 числа»²⁰. 13 июля 1870 года Орловское дворянское депутатское собрание причислило их к дворянскому сословию и внесло в VI часть Дворянской родословной книги Орловской губернии²¹.

Все эти и другие факты показывают, что для семьи Буниных именно Орловская губерния была исконно родной, в Орле они постоянно бывали и решали множество вопросов; более того, Бунин-старший здесь учился и служил в свое время. Связи с Воронежской губернией (где располагались поместья родных деда писателя) и Тамбовской губернией (где были владения отца) постепенно ослабевали по двум причинам. Во-первых, отец проиграл в карты все свои деревни, кроме Бутырок в Елецком уезде; во-вторых, как замечает Гончаров, «с появлением нового поколения и потерей усманских владений, контакты между Буниными, задонскими и елецкими, стали слабее. Слишком разные дороги вели членов семьи, далеко друг от друга отстояли места их обитания. Для И.А. Бунина и его братьев многие из потомков Алексея Дмитриевича [брата деда, т.е. двоюродные дяди и троюродные братья] были такими родственниками, которых они едва ли даже знали»²².

Повторим поставленный в начале вопрос: почему Бунины-старшие выбрали местом для своего жительства и учебы сыновей не давно знакомый и хорошо известный им Орел, а Воронеж? Логично было бы в этом ряду указать и Елец, но здесь гимназия была открыта только в ноябре 1871 года, то есть позже принятия решения о переезде из деревни.

Можно выдвинуть версию, что на непростой выбор повлиял комплекс самых разных причин: и личных, и весьма объективных. Перечислим главные из этих причин в общем виде:

1. Транспортная доступность городов.
2. Уровень их развития и благоустройства.
3. Материальные возможности семьи и оптимальная стоимость жилья.
4. Семейные традиции, родственные связи.

Итак, логистика. Из Ельца (центра уезда, в котором изначально жили Бунины) доехать до губернского Орла было довольно сложно: 200 верст по грунтовой дороге, пересеченной множеством оврагов. Как пример приведем цитату из «Путешествия в Арзрум» А.С. Пушкина: «До Ельца дороги ужасны. Несколько раз коляска моя вязла в грязи, достойной грязи одесской. Мне случалось в сутки проехать не более пятидесяти верст». Речь идет о дороге Орел—Елец в конце весны 1829 года. Спустя сорок лет на этом направлении мало что изменилось (если не брать в расчет то, что в феврале 1870 года началось пассажирское движение по железной дороге Елец — Орел и нужно было время, чтобы эти поездки вошли в обиход).

Дорога из Ельца в Воронеж куда короче — менее 130 верст и, не в пример орловской, удобнее. Пушкин продолжил предыдущую фразу: «Наконец увидел я воронежские степи и свободно покатился по зеленой равнине». Более того, часть этого пути (и одновременно часть пути из Москвы на Кавказ) от Задонска до Воронежа была к началу 1858 года замощена известковым камнем. Как упоминает В.Н. Муромцева-Бунина, семейство Буниных ехало в «просторном дормезе»²³ (т.е. в большой карете со спальными местами). Очевидно, что в Орел за столь короткое время и с такими удобствами, как до Воронежа, добраться в повозке было невозможно (по этой же причине можно исключить как вариант и Тамбов, расположенный от Ельца более чем в 200 верстах).

Насколько отличались Орел и Воронеж в то время? Обратимся к мнению Гончарова: «Воронеж привлекал тем, что в сравнении с Орлом был городом более крупным и благоустроенным, славился хорошими учебными заведениями»²⁴. На чем основан этот вывод? Гончаров — писатель, а не историк, родился в 1923 году и воспринимал соотношение Орла и Воронежа глазами молодого человека, когда к концу 1930-х годов университетский Воронеж на волне индустриализации стал втрое крупнее Орла, еще недавно имевшего статус советского райцентра. Однако во второй половине XIX века подобного контраста между губернскими центрами-соседями не могло быть. Вот сведения о численности населения ряда городов центра России в 1863 году (в тысячах человек): Тула — 56,7, Воронеж — 40,9, Тамбов — 36, Орел — 35, Калуга — 34,7, Курск — 28,6, Рязань — 22,3. Таким образом, Орел был всего на десять с небольшим процентов меньше Воронежа и превосходил ряд других городов. О степени благоустройства в то время, когда не было электричества и трамвая, обычно судили по наличию водопровода. В Орле водопровод был открыт в июне 1863 года, в Воронеже — в октябре 1869 года. Что касается «хороших учебных заведений», то в Орле, как и в Воронеже, наличествовали гимназия, духовная семинария, кадетский корпус. Более того, в Орле имелся институт благородных девиц, которого не было в Воронеже. Сравнение репутаций учебных заведений, наверное, тема отдельного исследования.

Главное отличие состояло в том, что Орел за десятилетие пережил пять «истребительных пожаров» (1841, 1842, 1843, 1848, 1850 гг.), в то время как в Воронеже подобные масштабные бедствия имели место в XVII—XVIII вв. Вспомним слова елецкого дяди главного героя рассказа Н.С. Лескова «Грабеж»: «У вас и город-то не то город, не то пожарище — ни на что не похож, и сами-то вы в нем все, как копчущки в коробке, заглохли! Нет, далеко вам до нашего Ельца, даром что вы губернские. Наш Елец хоть уезд-городок, да Москвы уголок, а у вас что и есть хорошего, так вы и то ценить не можете»²⁵.

Краевед А.С. Тарачков, живший в Орле и часто бывавший у брата в Воронеже,

в цикле путевых очерков, публиковавшихся в газете «Орловские губернские ведомости», а затем вышедших в 1862 году отдельным изданием, уделил достаточно много внимания сравнению двух городов. Воспользуемся его сведениями для ответа на поставленные здесь вопросы.

Тарачков писал о том, что Орел «в течение последнего двадцатилетия выгорел до такой степени, что в нем почти везде выстроены новые строения, исключений немного. Зато на нем вполне оправдалась поговорка: «пожары способствуют украшению городов»; он действительно украсился новыми зданиями, которые в архитектурном отношении много лучше прежних, какие мы застали еще в 1843 году»²⁶. Отметим, что отец Бунина в том же 1843 году застал те же здания и, по всей вероятности, был свидетелем пожаров.

Взгляд Тарачкова на Воронеж: «При въезде в него тотчас обращает на себя внимание значительная ширина улиц, какой до сего времени нам не случалось встречать ни в одном губернском городе из числа находящихся на пространстве между Белоруссией, Петербургом, Москвой и Воронежем. Но особенно замечательна в нем Большая Дворянская улица, которая, говоря без всякого преувеличения, шириною своею может соперничать только с Невским проспектом в С.-Петербурге. Длина ее более версты. Эта улица совершенно прямая, ровная и довольно хорошо вымощена известковым камнем. Она проведена в самой лучшей верхней части города»²⁷. Напомним, речь идет об улице, на которой Иван Бунин родился несколько лет спустя.

Тарачков продолжает описание Большой Дворянской: «По обеим сторонам ее находятся превосходные, гладко выровненные и утрамбованные щебнем с красным песком тротуары, шириною с восемь с половиной аршин. Прогуливаться по ним и ходить за делом — истинное наслаждение! Все дома каменные. Фасады их весьма разнообразны и вообще довольно красивы. В оконных рамах двух или трех магазинов вставлены даже целые зеркальные стекла. Вдоль этой улицы находятся присутственные места, комиссариат, дом начальника губернии, семинария, почтовый дом, большая и лучшая в городе гостиница Шванвича, пансион для девиц, книжная лавка и библиотека для чтения известного воронежского поэта г. Никитина, модные магазины, имеющие по несколько зал для посетителей и замечательные красивой своей обстановкой, кондитерские, булочные и дома частных лиц, большей частью двухэтажные»²⁸.

Однако далеко не все в Воронеже вызвало восторг гостя из Орла. Так, он подмечает: «В Акатове, вблизи берега р. Воронежа, по пригоркам находится довольно много плохих, маленьких деревянных домиков, вроде избышек, сходных с теми, какие существовали в Орле до большого пожара в 1848 году в Солдатской слободке»²⁹. О городском саде: «Он невелик и далеко уступает орловскому. В нем находится деревянное здание театра и воксал. Тот и другой некрасивы в архитектурном отношении»³⁰. О гостинице: «Его нельзя и сравнивать с орловским, который громаднее и красивее его и превосходит значительным числом лавок. Вообще надобно заметить, что в Орле несравненно более развита торговая деятельность, нежели в Воронеже, который в этом отношении никак не может с ним равняться по причине большего отдаления своего от Москвы, с которой он имеет одно только сухопутное сообщение, между тем как Орел находится на большой дороге и имеет торговые сношения с Одессой, Москвой, С.-Петербургом, Ригой, Белоруссией, Харьковом и Киевом»³¹.

А вот река и мост Тарачкова порадовали: «На р. Воронеже находятся несколько купален, из которых одна особенно замечательна огромными своими размерами и отчетливой опрятностью во внешнем виде. Она находится возле постоянного деревянного моста на этой реке. Он очень высок и очень хорошо выстроен. Длина его, судя по глазомеру, более чем вдвое превосходит наш жалкий Очный мост.

Купанье в р. Воронеже доставляет истинное удовольствие, потому что вода в этой реке течет свободно, не задерживается ни плузами, ни плотинами и потому не содержит в себе никаких нечистот, подобных тем, какими отличается наша р. Орлик в летнее время и на которой, к сожалению, находится наибольшее число купален»³².

И еще одна цитата из описания мест вблизи дома, где вскоре поселятся Бунины: «Влево за садом находится здание Михайловского кадетского корпуса. В архитектурном отношении этот корпус несколько не отличается от Орловского-Бахтина; но он большего размера. Далее за городским садом, вдоль Дворянской улицы находится прекрасное и довольно большое здание Воронежской гимназии, а против него больницы приказа общественного призрения с небольшим сквером на улице. Здесь край города и конец улицы, за которой в небольшом расстоянии находится довольно длинная площадь с деревянными беседками для рысистых бегов»³³. Парадокс: получается, по меркам того времени, Иван Бунин родился и на центральной улице, и на краю города... Но парадокс только на первый взгляд: очевидно, при найме жилья семья старалась выбрать именно такой вариант — престижное и доступное по цене место.

Именно эта, третья причина, по всей видимости, была определяющей при сравнении Орла и Воронежа. За давностью лет, вряд ли ныне известно, каковы были в те годы цены аренды квартир. Вновь обратимся к книге Тарачкова: жить в Орле после пожаров «сделалось очень дорого, почти не дешевле, чем в С.-Петербурге... Квартиры в Воронеже почти вдвое дешевле, нежели в Орле». Сам сталкивавшийся с этой бедой, путешественник (он же секретарь губернского статистического комитета) подробнейшим образом показывал читателям суть проблемы:

«В настоящее время в Орле цены за наем квартир почти вдвое превышают существовавшие в нем до 1848 года, памятного для здешних жителей страшных пожаров, истребивших почти две трети города. По соразмерности с этим в такой же степени возросла ценность на все местные продукты, необходимые в житейском быту. Экономисты скажут, пожалуй, что дороговизна на все предметы увеличивается не в одном Орле, но везде. Мы, однако, позволим себе поверить этому только не в отношении Орла, потому что положительно знаем, что в нем несравненно дороже жить, чем в соседних с ним губернских городах, например: Курске, Воронеже, Калуге и Туле. Подобное исключение ничему иному приписать нельзя, как только частым пожарам, от которых жители этого города понесли убыток на миллионы рублей. Принимая это в соображение, не будем сетовать на дороговизну квартир, но поговорим об их удобствах и, если коснемся их цен, то в том только отношении, в каком они соответствуют средствам к жизни тех лиц, которые по необходимости должны жить в Орле в наемных квартирах. К числу таких лиц принадлежит большинство служащих чиновников, военные чины, небогатые дворяне и частью лица других сословий, пребывающие в Орле по разным их делам, например: торговым, тяжбыным, для воспитания своих детей и проч., и проч.

Обыкновенно в Орле встречаются две крайности для квартирантов: им надобно нанимать квартиры не по состоянию или с целой семьей помещаться в самых тесных, почти всегда состоящих из трех комнат и четвертой передней. В 3-й части города, где находятся все присутственные места и где поэтому каждый чиновник желал бы жить, небольших квартир вовсе нет, а за большие, состоящие из отдельных домов или флигелей, надобно платить в год от 500 до 600 рублей серебром.

На отопление такой квартиры надобно еще израсходовать от 150 до 200 руб-

лей. Кто же в состоянии платить такую огромную сумму, которая обременительна даже для того, кто получает, например, 3000 рублей серебром годового дохода. Таких лиц очень немного в городе: их можно по пальцам перечесть. Годовые доходы большинства редко превышают 1000 рублей серебром, но преимущественно заключаются в пределах между 500 и 700 рублей, потому что жалованье чиновников, занимающих средние должности, почти всегда ограничивается этой суммой. При таком содержании слишком обременительно платить за наем квартиры выше 150 или 170 рублей серебром в год. К сожалению, квартир по такой цене, которая была бы самой нормальной, вовсе нет в названной части города, но вместо них находятся более высоких цен, простирающихся от 300 до 450 рублей. Следовательно, более дешевых квартир надобно искать за Окой и Орликом в отдаленных частях города. Там еще скорее можно их найти в 100 рублей серебром и менее.

Но какие это квартиры? Одна большая комната, разделенная двумя крестообразными деревянными перегородками на четыре неравные части, из которых самая меньшая составляет переднюю, а три остальных служат: гостиной, кабинетом и спальней — вот и все помещение. Для холостого одинокого человека его очень достаточно; но для семейного слишком мало. К этому еще надо добавить другие неудобства, состоящие в том, что при подобных квартирах и нередко при таких, которые отдаются за 150 и 160 рублей в год, жильцы не имеют ни отдельной кухни, ни погреба, ни ледника, а должны все свои хозяйственные принадлежности держать вместе с домохозяевами и в их кухне готовить кушанье. От этого возникают различные неудобства и даже ссоры между хозяевами и жильцами и их прислугой, потому что в совместном помещении представляются тысячи случаев к различным неприятностям. Покоя нет в таких домах, и жизнь в них делается тягостной. Оттого в Орле жильцы беспрестанно меняют свои квартиры и поневоле делают излишние издержки на перевоз своего имущества и на починку разной мебели и домашней утвари, которая в подобных путешествиях портится и разрушается в весьма короткое время.

Самое же важное неудобство здешних квартир состоит в том, что не только недорогие одноэтажные дома, но и большие в нижних этажах отличаются холодными полами, под которыми большей частью не делается накатников, т.е. помостов, залитых сверху глиной, смешанной с известью; но остаются пустые пространства до одного аршина глубиной. Можно себе представить сколько от этого терпит здоровье живущих в них людей. В этих квартирах не только взрослые, но и дети в самое короткое время наживают себе ревматизмы и другие простудные болезни. Оконные рамы и подоконники в больших и малых домах делаются весьма неаккуратно и служат самыми лучшими проводниками холода и сквозного ветра. Двойных зимних рам нет ни в одном доме, а в Орле они были бы чрезвычайно полезны, потому что здесь дуют сильнейшие и продолжительные ветры в начале и в конце зимы... Относительно каменных домов надо заметить еще то, что они нередко оказываются сырыми, потому что строятся кое-как наскоро и из дурно обожженного кирпича, который, как известно, отличается сильными гигроскопическими свойствами, т.е. способностью всасывать в себя влагу, которой в нем ничем невозможно уничтожить. Одним словом, в Орле еще мало развито понятие об удобствах жизни, из числа которых удобство квартир составляет самую существенную потребность. От этого и домохозяева не пользуются постоянным доходом с отдаваемых ими в найм квартир, из которых большие по полугоду и более остаются незаняты по причине их дороговизны»³⁴.

Привожу эту длинную цитату как иллюстрацию возможного спора в семье Буниных, решавших, в какой город переехать. Вполне резонно предположить, что Бунин-старший особенно не вникал в то, сколько именно стоят квартиры в Орле, каков расход дров и есть ли в комнатах вторые рамы. Но в том, что практичная хозяйка Людмила Александровна высчитывала все до копейки, нет сомнений. А если учесть, что у нее из шести детей к тому времени в малолетстве умерли четверо, становится понятно: орловские холодные апартаменты были тут же отвергнуты как не годившиеся для здоровья наследников.

Четвертая причина — семейные традиции, родственные связи. Пожалуй, одна из самых неясных и сложных, но все-таки попытаемся увидеть и здесь мотивацию.

Некоторые устремления в семьях складываются по принципу «от противного». Вспомним, что прадед Бунина жил в 40 верстах от Орла, а его сын (дед Бунина) поступил на службу в Воронеж. И, напротив, когда отпрыск деда (отец Бунина) достиг соответствующего возраста, его отдали на учебу и службу не в Воронеж, а в Орел. Не идеализируя те времена, примем за аксиому: негативный опыт юности приводил к тому, что в будущем родители не хотели его повторения у наследников. По всей вероятности, у Алексея Николаевича Бунина были не самые радужные воспоминания об орловской гимназии и чиновничестве³⁵, поэтому для учебы сыновей он вполне мог предпочесть иной город.

И еще одно обстоятельство: в Орле Бунину-старшему пришлось бы на каждом шагу встречаться с бывшими однокашниками и сослуживцами. А «предъявить» им нечего: за четверть века ни чинов, ни званий. К тому же дворянство было полно интриг, порожденных отменой крепостного права, введением земств и т.д. Праздность виделась куда безмятежней в Воронеже. Как указывает Акиньшин, «Глава семьи на государственной либо частной службе не состоял, поэтому в Воронеже не имеется формулярного списка о службе... А.Н. Бунин не участвовал в дворянских выборах в Воронежской губернии, и его пребывание здесь не нашло отражения в архивных материалах местного дворянского собрания и губернского предводителя»³⁶.

Что касается матери Ивана Бунина, то Воронеж был для нее предпочтителен тем, что там жили ее «и знакомые, и родные»³⁷ (неизвестно, были ли такие в Орле). К тому же для верующей женщины исключительно значимо наличие в городе Митрофанова Благоевещенского монастыря. «Святителю отче Митрофане, нетлением честных мощей твоих» — этот молитвослов является незаменимым для матерей, которые стремятся помочь детям, вступающим во взрослую жизнь. Две аналогии: перед поступлением в 1846 году в Петербургский университет студент Саратовской духовной семинарии Николай Чернышевский ездил с матерью на поклонение к Митрофанию; мать Ивана Тургенева Варвара Петровна дважды (возможно и более, но большинство писем не сохранилось) в письмах к сыну упоминала: «Если ты один поедешь в Италию, то я все лето пробуду в Спасском — т.е. поезжу по деревням и буду у угодника Митрофания» (письмо из Спасского-Лутовинова от 29 ноября 1838 года³⁸), «Я, получа известие, что ты, слава богу, выздоровел, хочу исполнить свое давнющее обещанье съездить к Митрофанию — в Воронеж» (письмо из Спасского-Лутовинова от 26 марта 1839 года³⁹). О том, что родственники Буниных ездили к мощам Митрофания в Воронеж и к мощам Тихона в Задонск, упоминает В.Н. Муромцева-Бунина⁴⁰.

На выборе Людмилы Александровны как хозяйки могла сказаться и повсеместная неопрятность квартир в Орле — на это однозначно указывает Тарачков в путевых очерках⁴¹. И еще ряд моментов: «В р. Воронеж ловится довольно много хорошей и крупной рыбы, в которой там нет недостатка, как в Орле... Съестные припасы в Воронеже продаются вообще дешевле, нежели в Орле. Белый хлеб разного

рода там лучше и более весом, чем у нас, также сухари и разное печенье, приготавливаемое булочниками... съестные припасы у торговков и мальчишек всегда бываю́т прикрыты от пыли совершенно чистыми белыми полотенцами, и сами они одеты довольно опрятно, так что не возбуждают к себе ни малейшего отвращения. Не мешало бы нашим орловским торговкам последовать этому примеру»⁴².

Таким образом, взвесив все «за» и «против», Бунины в 1870 году отправились в Воронеж, где было суждено родиться будущему классику русской литературы. Однако в его судьбе нашлось место и Орлу⁴³, где он работал в редакции газеты, где вышла в свет его первая книга, где он встретил свою любовь Варвару Пашенко.

Город юности Бунина — так именуют теперь Орел, где его литературная слава нашла достойное место в ряду таких имен, как Тургенев, Лесков, Леонид Андреев. Областная библиотека и улица имени Бунина, памятник ему, посвященный ему музей — дань благодарной памяти, наверное, не только Ивану Алексеевичу, но и в немалой степени его предкам-орловцам.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Гончаров Ю.Д. Вспоминая Паустовского; Предки Бунина. — Воронеж: Центр.-Чернозём. кн. изд-во, 1972. — С. 171.

² Гончаров Ю.Д. Вспоминая Паустовского; Предки Бунина. — Воронеж: Центр.-Чернозём. кн. изд-во, 1972. — С. 171.

³ Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. — М.: Сов. писатель, 1989. — С. 27.

⁴ Власов В. Старший брат // Собеседник: Портреты. Этюды. Исторические повествования. Очерки. — Воронеж: Центр.-Чернозём. кн. изд-во. — С. 103.

⁵ Бабореко А.К. Бунин: Жизнеописание. — М.: Молодая гвардия, 2009; Михайлов О.Н. Жизнь Бунина: Лишь слову жизнь дана... — М.: Центрполиграф, 2002.

⁶ Муромцева-Бунина, В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. — М.: Сов. писатель, 1989. — С. 27.

⁷ Власов В. Старший брат... — С. 103.

⁸ Акинъшин А.Н. Семья Буниных в Воронеже // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2019. — № 1. — С. 6.

⁹ Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. — М.: Сов. писатель, 1989. — С. 27.; Власов В. Старший брат... — С. 104.

¹⁰ Акинъшин А.Н. Семья Буниных в Воронеже... — С. 6.

¹¹ Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина... — С. 67.

¹² Там же. С. 68.

¹³ Власов В. Мценская прародина Ивана Бунина // Орловская правда, 1997, 24 сент.; Власов В. Родовые корни Буниных // Орловский вестник, 1997, 4 дек.

¹⁴ Власов В. Мценская прародина Ивана Бунина // Орловская правда, 1997, 24 сент.

¹⁵ Гончаров Ю.Д. Вспоминая Паустовского; Предки Бунина. — Воронеж: Центр.-Чернозём. кн. изд-во, 1972. — С. 135–136.

¹⁶ Там же. С. 133–134.

¹⁷ Там же. С. 150.

¹⁸ Там же. С. 157.

¹⁹ Там же. С. 149.

²⁰ Власов В. Старший брат... — С. 103.

²¹ Акинъшин А.Н. Семья Буниных в Воронеже... — С. 6.

²² Гончаров Ю.Д. Вспоминая Паустовского; Предки Бунина... — С. 140–141.

²³ Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина... — С. 27.

²⁴ Гончаров Ю.Д. Вспоминая Паустовского; Предки Бунина... — С. 171.

²⁵ Лесков Н.С. Собрание сочинений в 12-ти т. Т. 5. — М.: Правда, 1989. — С. 297.

²⁶ Тарачков А.С. Путевые заметки. — Орёл, 1862. — С. 36.

²⁷ Там же. С. 84.

²⁸ Там же. С. 85–86.

²⁹ Там же. С. 91–93.

³⁰ Там же. С. 86.

³¹ Там же. С. 89.

³² Там же. С. 93.

³³ Там же. С. 87–88

³⁴ Там же. С. 37–41.

³⁵ А.Н. Бунин учился в Орловской гимназии в одно время с Н.С. Лесковым.

³⁶ Акиньшин А.Н. Семья Буниных в Воронеже... — С. 5.

³⁷ Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью... — С. 28.

³⁸ Твой друг и мать Варвара Тургенева: письма В. П. Тургеневой к И. С. Тургеневу (1838–1844). — Тула: Гриф и К, 2012. — С. 106.

³⁹ Там же. С. 186.

⁴⁰ Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью... — С. 68.

⁴¹ Тарачков А.С. Путевые заметки... — С. 41.

⁴² Там же. С. 93.

⁴³ Примечательно, что в жизни сестры писателя Марии, родившейся в Воронеже 15 марта 1873 г., тоже был Орёл — она жила в этом городе на Новосильской улице с 1909 по 1916 г., а затем рассталась с мужем и жила в Воронеже с сыновьями Евгением и Николаем до начала 1920-х гг.

